

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

иером. Мефодий (Великанов)

**Об именах Божиих:
К изучению догматики
Филарета (Гумилевского) Черниговского**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1896. № 5-6. С. 679-692.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

Объ именахъ Божіихъ.

(Нъ изученію догматики Филарета Черниговскаго).

ВЪ СВОЕЙ статьѣ экзегетико-филологическаго характера мы намѣрены высказать замѣчаніе на словопроизводственныя объясненія Филарета Черниговскаго касательно предметовъ чрезвычайной важности: «Θεός», «Богъ», «Элогимъ», тѣмъ болѣе, что толкованіе преосвященнымъ этихъ послѣднихъ отличается неточностью. Желательно было бы обратить вниманіе на данный вопросъ людей болѣе компетентныхъ—*faciant meliora potentes*, сами же дѣлаемъ лишь попытку предложить свое посильное разсужденіе.

По вліянію, съ одной стороны, Св. Писанія, съ другой,— въ силу общаго направленія филологіи, и богословская наука стремится дать точныя и обстоятельныя объясненія именамъ въ какомъ-либо отношеніи замѣчательныхъ предметовъ и явленій вообще; и тѣмъ болѣе надобно имѣть надлежащее понятіе въ отношеніи филологическаго толкованія о всесвятѣйшемъ, достопокланяемомъ имени высочайшаго, личнаго, всеблагаго Существа. — Уже кое-что сдѣлано по занимающему насъ вопросу, какъ въ иностранной, такъ (отчасти) и въ русской литературѣ. Особаго вниманія заслуживаетъ статья подъ заглавіемъ: «The Names of God»¹⁾. Въ началѣ статьи авторъ выражаетъ сочувствіе почтенному Джѣксу, въ трудѣ котораго замѣтенъ духъ глубокаго благочестія. По мнѣнію этого писателя, каждое изъ именъ

¹⁾ «Объ именахъ Божіихъ»; статья помѣщена въ англійскомъ журналѣ: «The Church quarterly review» (январь, 1889 г., стр. 280—296) и написана по поводу трактата «The Names of God in Holy Scripture: a Revelation of His Nature and Revelationships». By Andrew Jukes (London, 1888).

Божіихъ есть, такъ сказать, воплощеніе, сущность (the embodiment) откровенія. Таковой взглядъ на дѣло иными не принимается, и рѣшеніе по данному предмету сводится къ естественному происхожденію именъ изъ особенностей языка и формъ рѣчи еврейскаго народа, принадлежащаго къ семитской расѣ. Но, по ученію Библіи, Богъ вслѣдствіе величайшей благодати любить Свое твореніе, человекъ, и проявляетъ Свою присносущную силу, какъ личное Бытіе: *«И рече Богъ къ Моисею, глаголя: Азъ есмь Сый... Сіе Мое есть имя вѣчное»* (Исх. III, 14—15); открываетъ Себя Богъ людямъ изъ облака (Исх. XIII, 21—22) и въ святомъ святыхъ, надъ кивотомъ завѣта, между двумя херувимами: *«И познавъ буду тебѣ оттуду, и возлагаю тебѣ съ верху очистилища между двѣма херувима, иже суть надъ кивотомъ свидѣнія»* (Исх. XXV, 20—22). Это было, замѣчаетъ авторъ, живое богооткровенное Слово, проявленіе глубочайшаго разума Божія. — Съ вышей точки зрѣнія строго слѣдуетъ различать пути, какъ произошли Божественныя имена. Когда человекъ подмѣчалъ въ откровеніи особенную силу Божию, то онъ запечатлѣвалъ это въ своемъ сердцѣ, сознаніи и потомъ выражалъ въ словѣ, въ имени. Въ поясненіе можно указать на слѣдующіе примѣры. Послѣ того какъ, по настоянію Сарры, Агарь съ сыномъ была изгнана изъ дома Авраамова, она заблудилась въ пустынь. Для укрѣпленія умирающаго отъ жажды Исмаила явился Ангелъ Господень и указалъ на источникъ воды, которою Агарь напоила дитя свое (Быт. XXI, 14—19). Отсюда видно, что всевидящее Око Божіе не оставляетъ уповающихъ на Него; и слѣдствіемъ откровенія для человекъ явилась потребность приписать высочайшему Существу новое имя: *Всевидащій*. Вотъ имена Божія, полученныя Моисеемъ въ откровеніи: *«И сниде Господь въ облацѣхъ, и предста ему тамо Моисей: и призва именемъ Господнимъ. И мимоиде Господь предъ лицемъ его, и воззва: Господь, Господь Богъ щедръ, и милостивъ, долготерпѣливъ, и многомилостивъ, и истиненъ»* (Исх. XXXIV, 5—6). Такимъ образомъ истина, что имена Божія даны чрезъ откровеніе, заслуживаетъ довѣрія, и освящена авторитетомъ древняго преданія; тѣмъ болѣе, что изъ того же откровенія объясняются вся жизнь богоизбраннаго народа, его исторія, различныя узаконенія и т. п. Затѣмъ нашъ авторъ говоритъ о двухъ видахъ богопознанія:

откровенномъ и естественномъ. Хотя послѣднее имѣеть немало-важное значеніе въ постиженіи вѣчнаго Существа, тѣмъ не менѣе оно блѣднѣетъ предъ познаніемъ перваго вида. Дѣйствительный характеръ естественнаго богопознанія состоитъ въ томъ, что посредствомъ нашихъ естественныхъ способностей и водительство Духа Божія мы можемъ возвыситься до пониманія Бога, какъ Творца вселенной и Промыслителя міра. Святый апостоль Павелъ высшую степень такого пониманія опредѣляетъ двумя началами: *«Невидимая бо Его отъ созданія міра творенми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество»* (Римл. I, 20). При дальнѣйшихъ же запросахъ вѣрующей души, сердца и ума естественное богопознаніе безмолвствуетъ. Что есть Богъ въ Самомъ Себѣ? Каково высочайшее личное бытіе Его? Каковъ характеръ Его промысленія о мірѣ? Въ чемъ проявляется Его благость къ роду человѣческому? При рѣшеніи этихъ вопросовъ на помощь человѣку приходитъ откровеніе Божіе. Оно, живое и дѣятельное, есть какъ бы указующая десница и, поставляя человѣка лицомъ къ лицу съ Божествомъ, всецѣло даетъ ему возможность созерцать Бога во всемъ великолѣпіи Его вѣчнаго блаженства и любви.

Если мы теперь обратимъ взоры на сѣдую древность, то увидимъ, что еще у языческихъ писателей названіе божества было предметомъ особаго вниманія со стороны значенія и словеснаго производства. Такъ, Плутархъ, уясняя смыслъ именъ Θεός и Ἰσις, говоритъ ¹⁾, что общее названіе для всѣхъ боговъ зависитъ *«ἀπὸ τοῦ θεατοῦ»* (= созерцаемаго) *«καὶ τοῦ θεόντος»* (= бѣгущаго «и окружающаго все»). Христіанскіе учителя и отцы церкви придавали также большое значеніе разсматриваемому вопросу. Укажемъ, на примѣръ, на святаго Іоанна Дамаскина; въ своемъ сочиненіи: *«Точное изложеніе православной вѣры»* (кн. I, гл. IX) онъ довольно подробно раскрываетъ передъ нами значеніе имени Божія: второе имя (послѣ ранѣе св. отцемъ разобраннаго: ὁ Ὡν = Сый) есть ὁ Θεός, которое производится *«ἐκ τοῦ θέειν»* — бѣжать — «и окружать все»; или

¹⁾ Ὡσπερ τοῖς θεοῖς πᾶσιν ἀπὸ δυοῖν γραμμάτων τοῦ θεατοῦ καὶ τοῦ θεόντος ἐστὶν ὄνομα κοινόν, οὕτω τὸν θεὸν ταῦτόν ἀπὸ τῆς ἐπιστήμης ἅμα τῆς μνήσεως ἴσιν μὲν ἡμεῖς, ἴσιν δὲ αἰγύπτιοι χαλοῦσιν: Πλουτάρχου τοῦ χαίρωνέως ἠθικά; M. D. XLII; «περὶ ἰσίδος καὶ Ὀσίριδος», 348.

«ἐκ τοῦ αἰθεῖν», что значить «жечь»: Богъ есть огонь, потребляющій всякую скверну; или «ἀπὸ τοῦ θεᾶσθαι τὰ πάντα» — отъ созерцанія всего: Онъ все видитъ; созерцалъ *всяческая прежде бытія ихъ* ¹⁾. — Филаретъ Черниговскій, при разсмотрѣнїи соответствующаго положенія ²⁾, приводитъ изъ Плутарха, очевидно, вмѣсто «θεόντος», слово «θεάντος» и для этой проблематичной греческой формы предлагаетъ объясненіе: «созерцающаго». Что истинная Плутархова форма есть «θεόντος» (отъ гл. θεῶ = бѣгу), доказывается латинскимъ переводомъ: «Plutarchi Moralia», M. DC. XIX, pars II, 144, — гдѣ приведенному греческому тексту соответствуютъ слова: «... a theato et theonte, id est, spectabili et currente nomen theos...». — Разсмотрѣнное производство имени Божія «Θεός» отъ глаголовъ θεῖν и αἰθεῖν, конечно, не лишено интереса въ богословско-научномъ отношенїи, тѣмъ не менѣе другое производство, по Іоанну Дамаскину и Плутарху, отъ формъ: θεᾶσθαι (τὰ πάντα) = созерцать (все) и θεατοῦ (= созерцаемаго, т. е. міра, вселенной), съ догматической точки зрѣнія, имѣетъ неоспоримое преимущество; свойственное Богу всевѣдѣніе объемлетъ и все то, что существуетъ внѣ Создателя, видящаго и знающаго все сотворенное наисовершеннѣйшимъ образомъ: «Самъ поднебесную всю надзираетъ, вѣдый, яже на земли, вся яже сотвори...» (Іов. XXVIII, 24); «... Очеса Господня суть призирающая на всю землю» (Захар. IV, 10); «Оч Его на нишаго призираетъ, вѣжди Его испытаетъ сыны чловѣческія» (Пс. X, 4); снес. Матѣ. X, 29—30; Лук. XII, 6—7; Евр. IV, 13. Надзирающій всю поднебесную и очами Призирающій на всю землю, въ вѣчной Своей славѣ имѣетъ пребываніе на небесахъ, которыя суть престолъ Божій (Матѣ. V, 34; XXIII, 22; Апок. IV, 2—слѣд.; Ис. VI, 1, 3; Іезев. I, 1, 26; Пс. X, 4; Пс. CXXXVIII, 8). По христіанскому пониманію выраженіе «Богъ небесный» заключаетъ въ себѣ глубокой духовный смыслъ; и самое «небо» иногда означаетъ *нѣчто высшее, духовное, могущее видѣть, внимать*: «Отче, соотршихъ на небо и предъ тобою» (Лук. XV, 18, 21); «Вонми, небо, и возлагаю» (Втор. XXXII, 1). Но замѣчательно, что имя Божіе Θεός, безъ сомнѣнія, можетъ находиться въ связи съ встрѣчающимся въ

¹⁾ Joanni. Damasceni opera, tom. I, Parisiis, M. DCCXII; 143.

²⁾ Православное догматическое богословіе, часть 1-я, изд. 3-е, стр. 47.

Ведахъ реченіемъ: *divjās* и однокоренными съ нимъ: *djō, djāus, dju, div, djut*—*ατλ*—при первичномъ значеніи *неба сіяющаго*. Основаніемъ такому положенію служить религіозное воззрѣніе древнихъ индусовъ, вѣрованія которыхъ отличались натуралистическимъ характеромъ. Ихъ божества жилищемъ своимъ имѣли видимое небо, которое, въ представленіи индуса, отождествлялось съ божествомъ. Такъ, въ одномъ гимнѣ, посвященномъ *Индру*, какъ самому сильному богу, сказано (Рягв. IV. 17, 4): «*Dju, твой отецъ, считался сильнымъ, создатель Индры былъ силенъ въ своихъ твореніяхъ; онъ, сотворившій небснаго Индру, вооруженный палицею, непоколебимый, какъ земля, на своемъ свдалищѣ*»¹⁾. Такое пониманіе о небѣ ничто не мѣшало древнѣйшимъ родичамъ грековъ²⁾ вынести изъ общей арійской прародины, всосать его, такъ сказать, въ плоть и кровь и заставить его отразиться въ ихъ языкѣ, вѣрованіяхъ на новой почвѣ. Самое главное въ греческой мѣологіи божество временъ Гомера *Ζεός*, вынесенное греками изъ общей родины, есть, несомнѣнно, видоизмѣненное санскритское *djāus*. Указаніе на первоначальное значеніе *Ζεός*'а (= небо) находимъ въ томъ, что «все, что можно было высказывать о небѣ, приписывалось въ томъ или другомъ видѣ также и Зевсу. Онъ давалъ дождь, гремѣлъ; отъ него снѣгъ и градъ; онъ бросалъ молнію, собиралъ облака, освобождалъ вѣтры, держалъ радугу. Какъ небо, такъ и Зевсъ пребываетъ на высшихъ горахъ; подобно небу, онъ объемлетъ землю»³⁾. Мы, можетъ быть, угадали бы, что Зевсъ означалъ небо—даже въ такомъ случаѣ, если бы въ санскритѣ не сохранилось слѣдовъ этого слова—изъ слѣдующаго мѣста: «*ῶσον, ὕσον, ὦ φίλε Ζεῦ, κατὰ τῆς ἀρούρας τῶν Ἀθηναίων καὶ τῶν πεδίων*» (= испосли дождь, о милый Зевсъ, на пашню и нивы афинянъ): такъ афиняне зывали къ Зевсу, отличіе котораго отъ неба здѣсь выражено только опредѣленіемъ «*φίλε*»⁴⁾.

Относительно имени *θεός* слѣдуетъ сказать, что оно, будучи, по нашему мнѣнію, одного общаго происхожденія съ реченіемъ

1) См. у Макса Мюллера: «Наука о явкѣ»; вып. II, въ русск. переводѣ, стр. 302—слѣд.

2) Ср. также Эдуарда Мейера: «Geschichte des Alterthums», II в.

3) «Наука о языкѣ», вып. II, стр. 314—5.

4) Тамъ же, стр. 305.

Zeús на первичной арийской почвѣ, и впоследствии, въ Гомерическую эпоху, не утратило связи съ нимъ, какъ въ корневомъ отношеніи, такъ и по внутреннему содержанію. Въ Одиссеѣ есть такой примѣръ, который показываетъ, что полномочія, сила и власть, проявляемыя θεός'омъ, могли быть приписываемы, съ языческой точки зрѣнія, только Zeús'у: «ἔσθιτε, δαίμονε ξείνων, καὶ τέρπεο τοῖσδε, οἷα πάρεστι· θεός δὲ τὸ μὲν δώσει, τὸ δ' ἑάσει, ὅτι· κεν ᾧ θυμῷ ἐθέλη· δύνатаι γὰρ ἅπαντα» [= вкушай, чудный изъ странниковъ, и наслаждайся тѣмъ, что есть; θεός одно даруетъ, въ другомъ же отказываетъ, что бы онъ ни восхотѣлъ; ибо для него все возможно] (Одиссея, XIV, 443—5). Продолжая нашу рѣчь, упомянемъ и о томъ, что слово divjás въ длинномъ рядѣ вѣковъ переживало свою судьбу и путемъ возможныхъ фонетическихъ измѣненій въ окончательной инстанціи стало звучать Θεός¹⁾. Подспорьемъ такому (см. подстр. примѣч.) лингвистическому сближенію мы имѣемъ реальные, очевидные примѣры: санскр. dābitá(r) = греч. θυγάτηρ; санскр. dvāgam = греч. θύρα²⁾.

Изъ двухъ разсмотрѣнныхъ объясненій касательно происхожденія реченія Θεός каждое имѣетъ за собой извѣстную степень правдоподобія, хотя лично мы склоняемся ко второму, по его историко-филологическому основанію; къ тому же въ подтвержденіе такого производства имѣемъ сильную аналогію въ древнѣйшихъ мифологическихъ воззрѣніяхъ славянскихъ племенъ. Ихъ верховное божество называлось *Сварогъ* (и дѣти его сварожичи); въ корнѣ послѣдняго, какъ извѣстно, заключается санскр. реченіе svar = небо (при основномъ svar = свѣтить, блестять). Не лишне при этомъ указать на соответственное явленіе въ латинскомъ языкѣ, именно: слово deus находится въ связи съ санскрит. djāus = небо; отсюда — и diovis (+ pater), которое чрезъ стяженіе (diōv = jov = jū) дало въ результатѣ реченіе Jupiter (= отецъ неба, свѣта). Для подтвержденія такой мысли можно сослаться на встрѣчающіяся у классическихъ писателей выра-

¹⁾ Divjás = ð: F — εός (какъ изъ санскр. sat — jás получилось греческое ἐτ — εός) = ð F — εός = † F — εός = † — εός = Θεός. NB: санскр. слово satjás (= истинный, правый) соответствуетъ греч. ἕταός, вендск. haithya, слав. скатыи, латинск. sanctus.

²⁾ Ср. Г. Курциуса: «Grundzüge der griechischen Etymologie»; fünfte umgearbeitete Auflage. 1879.

женія, напр., у Горація: «sub Iove» (= подъ открытымъ небомъ), «sub Iove frigido» (= на холодномъ воздухѣ) итл. — Славяно-русское названіе высочайшаго Существа — *Богъ* — въ отношеніи словеснаго производства, разными учеными объясняется различно. Вотъ какое толкованіе предлагаетъ Филаретъ Черниговскій: «Санскритское *Бадди* (другое названіе для Будды) отъ *бадъ* знать; отсель и славянское *Богъ* и нѣмецкое *Gott*» ¹⁾. Въ этой цитациі только первая половина удовлетворяетъ научному требованію. Дѣйствительно, въ санскритѣ есть корень *budh* (= пробудиться, замѣчать), откуда произошло слово *buddhis* = познаніе, олицетворенное въ *Буддъ*; но съ послѣднимъ никоимъ образомъ невозможно сближать ни святѣйшее имя Богъ, ни тѣмъ болѣе нѣмецкое *Gott*. Извѣстный русскій мыслитель Хомяковъ говоритъ, что «слово Богъ образовалось отъ корня *быть*, какъ *строгъ* (нѣм. *streng*), какъ *многъ* (нѣм. *manch*), какъ *худогъ* (нѣм. *kundig*), какъ *рогъ*, *тверогъ*, *батогъ*, образовались отъ корней, досель существующихъ въ славянскомъ языкѣ» ²⁾. На такое объясненіе навело Хомякова еврейское אלה , при масоретской пунктуациі звучащее — אלהי — *Иелова* = אלהים (по LXX-ти) = Сый (въ слав. Библии); но истинное чтеніе этого реченія опредѣлить трудно, хотя и думаютъ понять это слово въ смыслѣ производной формы אלהי (*Алэи*, какъ произносятъ нѣмцы) отъ гл. אלה (= *esse*, быть); и такимъ образомъ для установленія связи съ этимъ послѣднимъ разсматриваемаго еврейскаго имени Божія требуются доказательства. Впрочемъ, доводы Хомякова касательно производства *Богъ* отъ гл. *быть* нельзя признать справедливыми и по ихъ характеру: они принадлежатъ къ числу доморощенныхъ филологическихъ объясненій. Сравн. также толкованіе вышепомянутаго названія божества *Сварогъ*; оно, по мнѣнію Хомякова, будто бы получилось изъ двухъ словъ: *сва* (= свой) + *рогъ* = *сварогъ*, и означаетъ то, что идетъ отъ самого себя, или есть свое собственное проявленіе.

Шимкевичъ въ своемъ «Корнесловѣ русскаго языка» (стр. 10), показывая различныя начертанія разбираемаго имени въ главнѣйшихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, приводитъ санскритское реченіе *б^hага*, толкуя его, какъ божеское могущество, превосходство,

¹⁾ Православное догматическое богословіе; часть 1-я, изд. 3-е, стр. 47.

²⁾ Сочиненія А. С. Хомякова, томъ II, 257—8.

счастіе. Точно также и по словамъ Ѳ. Ив. Буслаева ¹⁾ имя Богъ имѣеть ближайшую форму въ санскр. *bhāga* = часть, счастіе, блаженство, отъ глагола: *bhādj* = дѣлать, подобно тому какъ и въ русскомъ—счастіе, участь происходятъ отъ *часть*.—Понимаемое въ общемъ смыслѣ, «счастіе» въ значеніи «участи», «жребія» даруется человѣку Божественнымъ правосудіемъ: «*Праведенъ Господь, и правды возлюби, правоты видѣ лице Его*» (Пс. X, 7; см. Пс. CXLIV, 17; VII, 12 и 2 Тимое. IV, 8). Святой Іоаннъ Дамаскинъ, поименовывая Божескія свойства, называетъ Бога также «*κρίτης*» = «Судія» ²⁾. Таковое пониманіе имени Божія лежитъ въ основѣ санскр. корня *bhāg* = раздѣлять, назначать, судить,—получать свою часть. Отсюда происходятъ существит. *bhāgās* = часть, доля, и *bhāgas* = раздаятель ихъ, что принадлежитъ именно *Богу*. Древнѣйшіе предки славянъ, оставляя общую прародину, въ своемъ умственномъ кругозорѣ несли въ зародышѣ этическое представленіе о высочайшемъ Умиротворителѣ людей. Это былъ уже значительный шагъ впередъ въ міросозерцаніи сдѣлавшейся впоследствии великою славянской расы. Указаніе на объясненный смыслъ корня *bhāg* = *бог* сохранилось въ словахъ: *богатый*, *богатырь*, *убойй*; изъ нихъ послѣднее выражаетъ отсутствіе разбираемыхъ свойствъ: *бездольный*, *несчастный* ³⁾.—Жизнь человѣческая идетъ путями Промысла Божія; и духовно-нравственная, личная жизнь каждаго индивидуума, вся сфера его дѣйствій, обуславливаясь свободой воли, исходное свое начало получаетъ въ святѣйшей и всеправедной волѣ Того, чью правду возвыщаютъ небеса; Кто есть Судія людямъ (Пс. XLIX, 6; VII, 9; CXXXIV, 14; Евр. XII, 23),—судить «всей земли» (Быт. XVIII, 26; Пс. LXXXI, 8; XCIII, 2),—«Судія живымъ и мертвымъ» (Дѣян. X, 42). Едва ли не каждая страница Библии, въ особенности же Псалмы и книги пророческія, свидѣтельствуютъ о всеправедномъ судѣ Божіемъ. Хотя это послѣднее свойство принадлежитъ только Богу, но и людямъ дается отъ Него судъ, который поэтому въ Св. Писаніи называется *Господ-*

¹⁾ «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ»; стр. 122; 1848.

²⁾ «Точное изложеніе православной вѣры», кн. 1-я, гл. II-я, параг. 124.

³⁾ Въ реченіи *убойй* представка *у* равносильна славянскому *н*, который въ разложеніи *ом, он, ам, ан* соответствуетъ въ другихъ языкахъ отрицательной частицѣ (что видно также изъ малороссійской формы: *небойй*), примѣрно, въ греческ. *ἀν: ἄξιος — ἀνίξιος* = достойный — недостойный, или въ нѣмецкомъ языкѣ *un: abhängig — unabhängig* = зависимый—независимый.

нимъ: «И рече (Иосафатъ) судіямъ: видите, что вы творите, не человѣческій бо вы судъ творите, но Господень» (2 Парал. XIX, 6); и сами судьи, князи избраннаго народа Божія, какъ «сынове Вышняго» (Пс. LXXXI, 6), въ отношеніи суда уподобляющіеся Богу, именуется *богами* (= bhāgas = умиротворитель, судія): «*Боговъ да не злословиши* (выше рѣчь идетъ о томъ, что слѣдуетъ поддерживать справедливость въ общественныхъ отношеніяхъ), и князю людей твоихъ да не речеши зла» (Исх. XXII, 28); «*Се дахъ ты бога фараону, и Ааронъ братъ твой будетъ твой пророкъ*» (Исх. VII, 1) (Моисей, по повелѣнію Божию, является предъ царемъ египетскимъ въ качествѣ *судьи*, ходатая за израильтянъ). Въ LXXXI Псалмѣ говорится объ оскуднѣніи суда и справедливости у еврейскаго народа. Чтобы напомнить судьямъ о Божеской правдѣ, объ ихъ святомъ призваніи, псалмопѣвецъ восклицаетъ: «*Богъ ста въ сонмъ боговъ, посреди же боги разсудитъ*» (ст. 1); затѣмъ это сравненіе *судей съ богами* еще характернѣе отмѣчено выраженіемъ: «*Азъ рѣхъ: (вы, судьи) боги есте*» (ст. 6). Самъ Христосъ Спаситель, приводя это послѣднее мѣсто, свидѣтельствуетъ, что *богами* называются тѣ (люди), къ которымъ было слово Божіе (Іоан. X, 35) ¹⁾.

Чтобы уяснить происхожденіе и значеніе имени Божія въ германскихъ нарѣчіяхъ, воспользуемся замѣчаніемъ Макса Мюллера объ этомъ предметѣ. Одной изъ самыхъ безспорныхъ этимологій считалось отождествленіе формъ God (Богъ) и good (добрый). По-датски god значитъ добрый; но звуковое совпаденіе англійской и датской формъ—чистая случайность; эти два слова нигдѣ не смѣшиваются и существуютъ раздѣльно во всѣхъ нарѣчіяхъ германской вѣтви. Какъ въ англ. мы имѣемъ God и good, такъ и въ нѣмец. Gott и gut; въ датск. Gud и god хтл... Очевидно, что два слова, которыя идутъ чрезъ всѣ эти нарѣчія, ни разу не смѣшиваясь, не могутъ быть возведены къ общему началу. Предполагаемое въ разбираемомъ имени значеніе *добро*—было бы слишкомъ современно, слишкомъ христіанское ²⁾.—Въ противовѣсъ взгляду почтеннаго ученаго укажемъ, во-первыхъ,

¹⁾ Замѣтимъ, что слово *богъ* встрѣчается въ памятникахъ письменности, въ которыхъ отразился языческій характеръ; напр., въ «Словѣ о полку Игоревѣ»: «Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами...»; форма *Стрибожи* есть прилагат. отъ составнаго сущ. *Стрибогъ* = богъ вѣтра.

²⁾ «Наука о языкѣ», вып. I, стр. 274.

на предшествующее наше разсужденіе о славяно-русскомъ имени Богъ: вѣдь содержащееся въ немъ понятіе *Cydim*, вынесенное предками славянъ въ отдаленныя времена изъ общей арійской прародины, тоже «слишкомъ современно», «слишкомъ христіанское», а между тѣмъ это—святая, библейская истина. Во-вторыхъ, то обстоятельство, что въ каждомъ изъ германскихъ нарѣчій существуютъ рядомъ два параллельныя понятія *Божественности* и *доброты*, возводимыя, по нашему убѣжденію, къ одному началу, подтверждается полнѣйшей аналогіей въ русскомъ и латинскомъ языкахъ, въ которыхъ видимъ слова: съ одной стороны *Bois*—*Deus*, съ другой *богатый*—*dives*.

«Имя *Элоагъ*», говоритъ Филаретъ Черниговскій, происходя отъ *ала*, что значитъ *пораженъ былъ, изумился* и отсѣдъ *почтилъ*, означаетъ Того, кому слѣдуетъ поклоняться¹⁾. Безъ сомнѣнія, Филаретъ подъ *ала* разумѣетъ глаголъ въ еврейскомъ начертаніи: אָלָהּ *aláh* = восходить, подниматься, а въ пятой формѣ (*hiphil*) вмѣстѣ съ однокореннымъ (*plur.*) אֱלֹהִים *olóth* (при немъ *singul.* אֱלֹהִים *oláh* = жертва) означаетъ: возносить всеожженія: «וְהֵאֲלִיתָ אֱלֹהִים לַיהוָה לַחֲבֹהֶיךָ» *vehaalitha aláv olóth lajehováh elohéka*—«и вознесеши на немъ всеожженія Господеву Богу твоему» (Второз. XXVII, 6). Отсюда видно, что сближаемая преосвященнымъ слова: אָלָהּ *aláh* и אֱלֹהִים *elohím* (אֱלֹהִים *elohím*) совершенно не совпадаютъ другъ съ другомъ по своему облику: имѣютъ въ началѣ разныя буквы — «У» и «Э» и происходятъ отъ различныхъ корней. — Въ основѣ обоихъ приведенныхъ существительныхъ, означающихъ по-еврейски имя Божіе, находится слово «אֵל» *él*; въ словаряхъ оно толкуется, какъ *сильный, герой*. Остановимъ наше вниманіе, примѣрно, на лексиконѣ (по изд. 1883 г.) Гезеніуса и взвѣсимъ тѣ объясненія, которыя послѣднимъ такъ или иначе приурочиваются къ упомянутому слову. Ученый приводитъ, между прочимъ, два мѣста изъ пророка Іезекіиля, гдѣ встрѣчаются выраженія: а) «אֵל גִּבּוֹרִים» *él góim* (XXXI, 11) и б) «אֵלֵי גִבּוֹרִים» *élé gibborím* (XXXII, 21). Въ первомъ примѣрѣ разумѣется Навуходоносоръ, въ отношеніи къ которому Адоваи Господь, чрезъ пророка, говоритъ: «*предаждь его* (египетск. царя) *въ руку князя языческаго*». Царь вавилонскій справедливо

¹⁾ Православное догматическое богословіе, 24.

называется «גִּבּוֹרִים» *el goim* = «княземъ языковъ», или, повыраженію Данила, «Царемъ всѣмъ людямъ, племеномъ и языкомъ, сущимъ во всей земли» (III, 98). Въ другомъ случаѣ (б) обоимъ еврейскимъ словамъ въ славянской Елисавет. Библии соответствуетъ одно слово: «исполини», хотя этимъ послѣднимъ можно было бы перевести только реченіе «גִּבּוֹרִים» *gibborim* безъ перваго «אֱלֹהִים» *elê*. Положимъ, фактъ вполне доказанъ, т. е. что «אֱלֹהִים» *el* = герой, сильный. Но чаще всего это реченіе въ Св. Писаніи Ветх. Заѣта употребляется въ примѣненіи къ Богу Вышнему; примѣровъ для этого достаточно. Гезеніусъ и другіе гебраисты смотрятъ на разбираемый вопросъ, очевидно, такъ, что понятіе отъ «אֱלֹהִים» *el* въ значеніи «сильнаго» перенесено евреями на высочайшее Существо; поэтому Оно также называется «אֱלֹהִים» *el* (= Всемогущій) съ происходящими отсюда однокоренными именами. Конечно, можно—и даже лучше—представлять дѣло и въ обратномъ порядкѣ: не перенесена ли съ Бога—אֱלֹהִים *el* нѣкая частица Его всемогущества на человѣка, особенно сильнаго, могучаго. Въ пользу такого мнѣнія служить то, что судъ, свойственный единому Богу, сообщается, какъ выше было сказано, и людямъ. Навуходонѣсоръ, по выраженію пророка Іезекіиля, называется «царь царемъ» (XXVI, 7), каковое наименованіе въ собственномъ смыслѣ принадлежитъ Богу, «Царю царствующихъ и Господу господствующихъ» (1 Тимоѳ. VI, 15). Для оправданія перваго взгляда слово «אֱלֹהִים» *el* производятъ отъ кореннаго «אָלַם» *al*, придавая ему смыслъ: «быть могучимъ», «обладать силою». Но это глаголъ фиктивный; онъ въ еврейско-масоретской Библии съ отмѣченнымъ значеніемъ не встрѣчается. Съ натяжкою эготъ придуманный глаголъ стараются сопоставить съ арабскимъ «aval» (= выступать впередъ), отъ котораго въ еврейскомъ языкѣ указываютъ, напр., такіа производныя слова: אָלַם *ajjal* = олень; «אֱלֹהִים» *al* = животъ (см. Пс. LXXIII, 4 по еврейской Библии); «אֱלֹהִים» *al* = знатный: «אֱלֹהִים» (чит. אֱלֹהִים = אֱלֹהִים *elê*) «אֱלֹהִים» *ha'arez* = «крвiя земли» (2 Цар. XXIV, 15 по еврейской Библии; 4 Ц.—по слав. Б.); «אֱלֹהִים» *elôp* = дубъ; «אֱלֹהִים» *alâm* = паперть, предхраміе, портикъ. Итакъ, мы видимъ, что основанія въ пользу происхожденія «אֱלֹהִים» *el* отъ глагола «אֱלֹהִים» *al*, сближаемаго съ арабскимъ «אֱלֹהִים» *aval*, не отличаются проч-

ностью, и вопросъ въ этомъ случаѣ остается открытымъ. Извѣстный гебраистъ Деллагарде (de Lagarde) въ своемъ сочиненіи: «Orientalia» (Zweites Heft; 1880) приводитъ еще другія теоріи касательно даннаго предмета. Указываютъ на имя финикійскаго божества «𐤀𐤍», которое, по Плавту, произносилось — «alon»; оно, безъ сомнѣнія, находится въ однокоренной связи съ еврейскимъ «𐤀𐤍» êl. Словомъ «𐤀𐤍» êl обозначалось названіе планеты «Сатурнъ»; въ силу отдаленности, послѣдняя отождествилась съ божествомъ, которому было приписано обладаніе небомъ и землей. Но такой взглядъ не соответствуетъ міросозерцанію евреевъ. Были даже попытки сблизить имя Божіе «𐤀𐤍» êl съ однозвучными греческими реченіями: „Ἰλος“, „Ἠλος“, „Ἠλιος“; но и такое производство не можетъ быть принято вслѣдствіе нетвердой обоснованности родства корней семитическихъ и арійскихъ.— При рѣшеніи разсматриваемаго вопроса не обойдемъ молчаніемъ объясненіе Фридриха Делича ¹⁾. Онъ, разбирая значеніе еврейской частицы «𐤀𐤍» êl (она выражаетъ направленіе къ цѣли) и ссылаясь при этомъ на мнѣніе Деллагарде, говоритъ, что корень здѣсь общій съ реченіемъ «𐤀𐤍» êl: Богъ, къ которому все обращается и направляется, въ этомъ смыслѣ есть «Цѣль всякаго человѣческаго желанія, стремленія» («Gott als der, welchem man zustrebt, das Ziel aller Menschensehnsucht»). Для уясненія родственной связи двухъ названныхъ словъ, Деличемъ приводится изъ ассирійскаго языка глаголъ «𐤀𐤍» = «направляться», «быть къ кому-либо близкимъ»,—эквивалентъ еврейскому «𐤀𐤍» sachâg. — Вы сказанное мнѣніе о происхожденіи имени Божія «𐤀𐤍» êl не безынтересно; оно до извѣстной степени оправдываетъ возрѣніе перваго человѣка, вѣрующаго въ высочайшее Существо. *Къ Нему* человѣкъ *устремлялъ* свои очи; *направлялъ* свои помыслы и упованія; *поднималъ* руки къ своему Создателю; *ощущалъ* Его *присутствіе* близъ себя. Во всѣ времена религиозно настроенные, истинно вѣрующіе люди называютъ: «*Очи встѣхъ на Тя уповаютъ*» (Пс. CXLIV, 15); «*Возведохъ* очи мои въ горы, отнюду же *придетъ* помощь моя; *помощь* моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю» (Пс. CXX, 1—2); «*Азъ къ Богу* *воззвахъ*, и Го-

¹⁾ См. его сочиненіе: «Prolegomena eines neuen hebräisch-aramäischen Wörterbuchs zum Alten Testament»; 1886; 132—133.

сподь услыша мя» (Пс. LIV, 17); «Гласомъ моимъ ко Господу возвахъ, гласомъ моимъ ко Господу помолихся» (Пс. CXLI, 2); «Воздѣхъ къ Тебѣ руку мою» (Пс. CXLII, 6); «Ди исправится молитва моя, яко кадило, предъ Тобою: воздѣхъ руку мою...» (Пс. CXL, 2); «Близъ еси Ты, Господи» (Пс. CXVIII, 151); «Близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его» (Пс. CXLIV, 18); «Богъ приближаясь Азъ есмь, глаголетъ Господь, а не Богъ издалеча» (Иерем. XXIII, 23); «Господь недалеко отъ единого когосюждо насъ суща» (Двян. XVII, 27). — Само собою разумѣется, приведенныя изъ Библіи мѣста не могутъ съ положительностью служить для рѣшенія намѣченнаго вопроса, тѣмъ не менѣе выраженный взглядъ касательно происхожденія святѣйшаго имени заслуживаетъ вниманія; съ помощію его можно до нѣкоторой степени уяснить себѣ, почему E^{h} еі получило значеніе *силы*, героя: Богъ есть источникъ силы, которая отъ Него даруется человѣку. — Отъ основнаго « E^{h} » еі получаютъ производныя слова: халдейское « E^{h} », eláh, status emphat. « E^{h} » elahá, и еврейскія: « E^{h} » elohá, « E^{h} » elohím. Последнее реченіе, по своей формѣ считающееся множ. числомъ, въ Священномъ Писаніи наиболѣе употребительное—или одно, само-по-себѣ, или съ другимъ именемъ J^{h} Jehovah. Такъ, напримѣръ, въ первой главѣ книги Бытія исключительно употребляется слово « E^{h} » elohím, а во второй главѣ той же книги, начиная съ четвертаго стиха, уже господствуетъ выраженіе « E^{h} J^{h} » Jehovah elohím. Форма « E^{h} » elohím обозначаетъ полноту свойствъ Божества въ Немъ самомъ и обнаруживающихся во-внѣ, въ созданномъ Имъ мірѣ.—Разсматриваемое рѣченіе еі, первичное по отношенію къ другимъ именамъ Божиимъ, входитъ также въ составъ древнѣйшихъ собственныхъ именъ; напр., Малелеиль = Μαλελεήλ = E^{h} J^{h} (Быт. V, 12, 15, 16). Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ указанныхъ, производныхъ по своей формѣ, именахъ Божіихъ появляется буква «h». По этому поводу предлагаетъ толкованіе, по крайней мѣрѣ, примѣнительно къ elohím вышеупоминаемый англійскій авторъ. Это слово, по характеру своего образованія, весьма художественное. Наблюдаемое здѣсь добавочное «h», не будучи понятно въ данномъ фактѣ, взятомъ безотносительно, можетъ быть объяснено чрезъ библейскую ана-

логию. Припомнимъ, что первоначальное имя отца вѣрующихъ было *Авраамъ* (אַבְרָם Abram), а затѣмъ, возвеличенное Богомъ, получило иной обликъ *Авраамъ* (אַבְרָהָם Abraham) (Быт. XVII, 1). Таковая аналогія увлекаетъ насъ въ сферу высшаго умозраженія, съ помощію котораго отърывается новое значеніе и сила въ имени Божиёмъ *elohim*: самъ Богъ вступаетъ съ человѣкомъ въ святѣйшій союзъ; устанавливается завѣтъ *elohim*'а съ Ноемъ (Быт. VI, 13, 18), Авраамомъ (тамъ же XVII, 3—слѣд.), откуда человѣку становится ясно, что на его жизненномъ, тернистомъ пути онъ не можетъ быть забытъ, оставленъ, ибо у человѣка есть небесный Покровитель, Который въ самомъ Себѣ—высочайшая Любовь. Послѣ такого замѣчанія объ имени Божиёмъ *elohim* не безынтересно привести взглядъ Хомякова на данный вопросъ: «Многіе богословы искали намековъ на христіанское ученіе въ началѣ книги Бытія. Если это мнѣніе не лишено основанія, то доказательства ему слѣдуетъ искать конечно не во множественной формѣ *Элогимъ*; но, не безъ нѣкотораго основанія, можно бы было видѣть такой намекъ въ тройственности идеи, выраженной словами: Богъ—сказалъ и создалъ—и увидѣлъ, что добро. Иными словами: мысль, которая есть, мысль, которая проявляется, мысль, которая себя сознаетъ»¹⁾.

Въ заключеніе нашей статьи скажемъ, что вопросъ, здѣсь рѣшаемый, не легкій въ силу того, что языкъ нашъ, имманентный, приспособленъ къ выраженію фактовъ, событій и явленій по-сю-сторонняго міра. «Сами по себѣ Богъ, и Божественное невыразимы; слово человѣческое не въ состояніи ни опредѣлить, ни описать ихъ; оно можетъ только возбудить въ разумъ, т. е. въ міръ человѣческомъ, мысль или порядокъ мыслей, соответственныхъ реальности міра Божественнаго. Мы знаемъ, что даже въ области человѣческихъ предметовъ, слова, которыми выражаются не отвлеченности, а понятія, взятая изъ живой реальности, вещественной или духовной, бываютъ понятны только для людей, обладающихъ физическими органами или духовными способностями, необходимыми для ихъ пониманія; иными словами: понятны въ той мѣрѣ, въ какой составляютъ какъ бы долю жизни самого постигающаго субъекта»²⁾.

Иеромонахъ Меодій (Великановъ).

¹⁾ Сочиненія, томъ II, 213.

²⁾ Сочиненія Хомякова, томъ II, 210.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки